

КООРДИНАТЫ КУЗНЕЦОВА

В июле 1945 г. в Москве, в честь Победы в Великой Отечественной войне, состоялся парад. По Красной площади прошли сводные подразделения, составленные из воинов всех фронтов. Среди них было и сформировано из моряков трех воевавших флотов и восьми речных и озерных флотилий. А с правительственной трибуны их приветствовал главнокомандующий ВМФ, адмирал флота, Герой Советского Союза Н.Г. Кузнецов.

О его службе, изобиловавшей неизвестными многим драматическими пертурбациями, рассказывает капитан 1-го ранга В.П. Воробьев, участник боевых действий на Балтике, ставший после войны флотским журналистом.

Я закончил Великую Отечественную войну в звании старшего матроса рулевым-сигнальщиком на корабле 10-го Краснознаменного дивизиона катерных тральщиков Балтийского флота, очищавшего от мин Ладожское озеро и Финский залив. В 1947 г. поступил в ленинградское Военно-морское политическое училище.

Однажды среди преподавателей и курсантов прошел слух, что на церемонию вручения выпускникам документов об окончании училища и офицерских кортиков приедет начальник Управления военно-морских учебных заведений ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов. Так и случилось, а после торжественной части он долго беседовал с нами о морской службе, быте офицеров на берегу, конечно, и о будущем нашего флота. Не думал я, что еще встречу с адмиралом. И не раз...

А тогда мы были несколько удивлены, поскольку знали Кузнецова как наркома (министра) и главнокомандующего флотом. Знали мы и его официальную биографию — родился в 1904 г. в деревне Медведка Архангельской губернии, в 1919 г. добровольцем поступил в Северодвинскую речную военную флотилию. Для этого ему пришлось раздобыть справку о том, что он появился на свет двумя годами раньше. Потом было Военно-морское училище, служба на черноморских крейсерах «Червона Украина» и «Красный Кавказ», Военно-морская академия, опять «Червона Украина», которую Кузнецов, став ее командиром, вывел на 1-е место по боевой подготовке, за что был награжден орденом Красной Звезды. В 1937 г. капитана 1-го ранга Кузнецова назначают заместителем командующего, а потом и командующим Тихоокеанским флотом, а через 2 года он становится наркомом ВМФ. С началом войны его ввели в состав Ставки верховного главнокомандования. Пожалуй, вот и все, что было известно каждому военному моряку.

Оставшееся тогда «за кадром» я узнал, став офицером; закончив Военно-морскую политическую академию, стал работать во флотских газетах, а потом и в «Военно-историческом журнале», в котором трудился 12 лет. В те годы были опубликованы материалы, ранее считавшиеся «закрытыми», а главное, появились статьи и воспоминания самого

Н.Г. Кузнецова и его книги «На дальних рубежах», в которой он рассказал о своей деятельности на посту военно-морского атташе и военного советника в охваченной гражданской войной Испании и посвященные Великой Отечественной «Накануне», «На флотах боевая тревога», «Курсом к победе» и «Крутые повороты».

Название последней отнюдь не случайно. Как писал сам Николай Ге-

Курсант Военно-морского училища Николай Кузнецов. 1923 г.

расимович, «я был дважды контр-адмиралом, трижды вице-адмиралом, носил четыре звезды на погонах адмирала флота и дважды имел высшее звание на флоте — адмирал флота Советского Союза».

А все началось с того, что после долгих споров 20—30-х гг. каким флот насему флоту, в 1937 г. приняли большую, 10-летнюю, кораблестроительную программу. Молодой нарком, выступая в октябре 1940 г. на сборе командующих флотами и флотилиями, наметил перспективы развития военно-морских сил и выдвинул концепцию флота сбалансированного, состоящего из боевых и вспомогательных кораблей и судов всех классов.

«Вопрос о крупных кораблях. Не дискредитировали ли себя линкоры, как думают некоторые? У нас нет основания опорочивать крупные кораб-

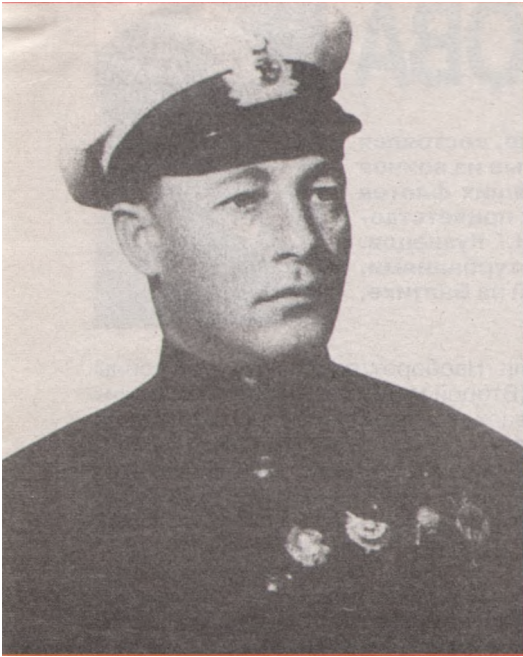
ли. Наоборот, последний этап войны (Второй мировой. — В.В.) подчеркивает, что целый ряд морских участков держится на них. Рано еще делать вывод о том новом, что будет внесено в крупные корабли. Мы продолжаем их строить (как и Англия, США, Германия, Япония и Италия. — В.В.).

Безусловным и очевидным стало то, что увеличилась роль малых кораблей, увеличилась нагрузка на них и их расход. А вот вопрос их соотношения с крупными подлежит, видимо, какой-то корректировке.

Уже очевидно, боевым оружием в полном смысле слова остаются подводные лодки. Опыт войны показывает — они играют колоссальную роль. Очевидно и то, что в подводные лодки, их тактику, методы ведения войны, безусловно, будет внесено много нового и наша задача это своевременно учесть» (можно сказать, нарком предугадал появление субмарин с едиными для подводного и надводного хода двигателями Вальтера и тактики «волчьих стай». — В.В.). Позже Николай Герасимович не раз подчеркивал, что «нам нужен флот во всем многообразии, крайности вредны» — словно предвидел губительное для надводных кораблей увлечение Н.С. Хрущева субмаринами и сухопутными ракетами.

К 1945 г. была подготовлена 10-летняя программа, предусматривавшая строительство тяжелых, с 305-мм орудиями главного калибра и легких крейсеров, больших и малых авианосцев, эсминцев и субмарин новых проектов. Программу не раз пересматривали, часть кораблей успели заложить, но после 1953 г. их сдали на слом. Вскоре после войны Н.Г. Кузнецов не согласился с предложением И.В. Сталина разделить немногочисленный тогда Балтийский флот на два, однако с его помощью добился отмены ущемлявшего интересы флота распоряжения заместителя председателя Совета министров СССР и министра Вооруженных сил Н.А. Булганина. Подобное не прощается, и для Кузнецова начались те самые «крутые повороты».

Уже в 1946 г. в Главный штаб ВМФ нагрнула комиссия во главе с маршалом Л.А. Говоровым, моряков в ней не было. «Большинство вопросов касалось уточнения деятельности Николая Герасимовича, — вспоминал адмирал Ю.А. Пантелеев, — акт

Народный комиссар ВМФ, флагман 2-го ранга Н.Г. Кузнецов. 1939 г.

Главнокомандующий ВМФ СССР, адмирал флота Кузнецов. 1944 г.

Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов. 1955 г.

инспекции был утвержден Говоровым, не пожелавшим никого слушать. Много было несправедливого, просто неверного. По результатам инспекции Н.Г. Кузнецов был понижен в должности и назначен начальником Управления военно-морских учебных заведений. Это было только начало».

В конце 1948 г. Булганин заполучил донес капитана 1-го ранга В.И. Алферова, служившего в Минно-торпедном управлении ВМФ, обвинившего нескольких адмиралов в передаче недавним союзникам чертежей высотной торпеды и карт Камчатки и двух Курильских островов. Для Булганина этот вздор послужил желанным поводом инспирировать суд над адмиралами Л.М. Галлером, В.А. Алафузовым, Г.А. Степановым и Н.Г. Кузнецовым, трех первых осудили, а Николая Герасимовича разжаловали в контр-адмиралы и назначили заместителем командующего войсками на Дальнем Востоке по военно-морским силам. Впрочем, в 1950 г. он, по распоряжению Сталина, возглавил 5-й Тихоокеанский флот (был и такой), в следующем году вновь стал вице-адмиралом и военно-морским министром, а в 1963 г — адмиралом флота, первым заместителем министра обороны и главнокомандующим ВМФ.

Возглавив после смерти И.В. Сталина правительство, Хрущев поспешил расставить на главные посты своих сторонников. В частности,

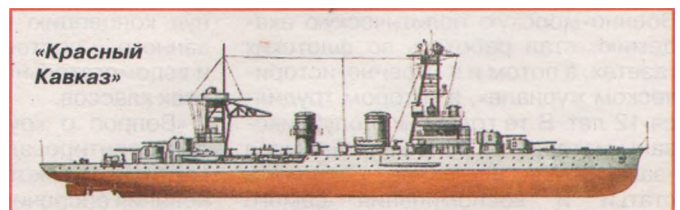
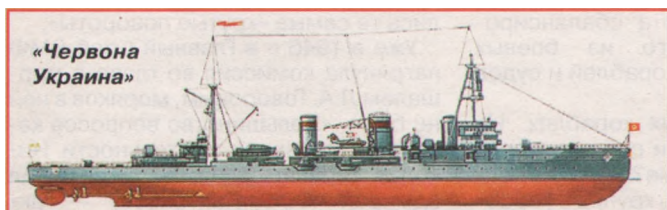
Булганина повысили до председателя Совета министров, а в министры обороны наметили маршала Г.К. Жукова. В феврале 1955 г. Булганин запросил у военачальников мнения на этот счет. Кузнецов посоветовал Жукову объективнее относиться к нуждам флота. Честолюбивый маршал обиделся и принялся мстить. «Он начал беспричинно грубить, вызывая меня на скандал, — писал Н.Г. Кузнецов. — Видимо, разговоры с такими персоналами как Булганин, убедили его в том, что он будет поддержан относительно меня. Отношение же к флотским вопросам становилось подчеркнуто пренебрежительным». Тем более, Хрущев объявил крупные надводные корабли плавающими мишенями для ракет и на разделку отправили строящиеся тяжелые крейсера типа «Кронштадт» и легкие крейсера проекта 68 бис.

В марте Кузнецову вернули звание адмирала флота Советского Союза, а в мае он перенес инфаркт, следствие нервотрепки последнего десятилетия и в следующем месяце он попросил министра обороны освободить его от занимаемой должности, ответа не последовало. Тогда Николай Герасимович назначил исполняющим ее командовавшего с 1951 г. Черноморским флотом вице-адмирала С.Г. Горшкова. В ноябре 1938 г. он руководил перегоном в штормовом Тихом океане недостроенного

эсминца «Решительный», который был выброшен на берег и разрушен. Тогда Кузнецов спас Горшкова от трибунала и теперь помог ему продвигаться по службе.

...29 октября 1955 г. в Севастополе, после взрыва под носовой частью, перевернулся и затонул линкор «Новороссийск», погибло свыше 600 моряков. Выявлением причин катастрофы занималась правительственная комиссия. Мнение главнокомандующего ВМФ игнорировали: «Несмотря на мои просьбы, никто не приглашает меня — сетовал Николай Герасимович. — Дело разбирается без меня». В ноябре доклад комиссии отправили в Москву, у его составителей претезий к Кузнецову не было, но за день до этого Жуков, выступая на заседании ЦК КПСС, назвал виновниками трагедии нового командующего Черноморским флотом и главнокомандующего ВМФ. 17 февраля 1956 г. его понизили до вице-адмирала и уволили в отставку без объявления причин и права работать на флоте, а его звание и должность получил Горшков.

«Я не особенно был удивлен (но возмущен!) тем, что, вопреки всякой логике, когда у бывшего комфлота погиб «Новороссийск», — вспоминал Кузнецов, — меня за это наказали, а его повысили». Причину этого раскрыл новый министр обороны маршал Р.Я. Малиновский: «Хрущев на вас почему-то сердит». Догадаться было нетрудно...

...Николай Герасимович начал трудиться с 12 лет и, оказавшись не у дел, не собирался превращаться в обычного пенсионера. Еще в академии он изучал французский и немецкий языки, а теперь взялся за английский. «В изучении иностранных языков ему можно было позавидовать, он имел способности к ним — это я говорю, как преподаватель — свидетельствовал Н.Ф. Харитонов. — Свой путь в литературу Николай Герасимович начал с переводов для «Военного зарубежника». А в 1959 г. в сборнике АН СССР появилась его статья «Испанский флот в национально-революционной войне 1936—1939 гг.», потом он перевел книгу подводника США Дж. Колверта «Под ледом к полюсу». Теперь он берет за статьи и книги об истории нашего флота, его становлении, действиях в Великую Отечественную войну. Однако все шло далеко не так, как он предполагал...

...Я знал, что некоторые газеты и журналы, подведомственные Главному штабу и политуправлению ВМФ, по указанию свыше перестали принимать материалы Николая Герасимовича. Например, на его статью об адмирале Л.М.Галлере появилась резолюция Горшкова «Не печатать». Нам было проще — «Военно-исторический журнал», в котором я вел флотскую тематику, был органом Министерства обороны и был рангом повыше. Конечно, мне хотелось опубликовать побольше его статей и воспоминаний, но это было не в моих силах, ибо редакция не испытывала недостатка в произведениях маршалов, генералов и адмиралов. Для материалов, которые я готовил к печати, выделяли полторы полосы, но в них не всегда удавалось укладываться. Кстати, считалось достаточным, если автор выступал на страницах журнала раз в год, а Кузнецов нередко превышал эту норму.

Он приезжал в редакцию на черной «Волге» и оставался в ней, а водитель звонил мне по внутреннему телефону с первого этажа. Я спускался, садился в машину и мы разговаривали с Николаем Герасимовичем о наших делах. Истории флота я не касался, считал это неуместным и не спрашивал, почему он подписывается «Герой Советского Союза Кузнецов», не указывая звания — я все понимал и сочувствовал ему.

Николай Герасимович часто звонил мне и нередко присылал письма. Говорят, по почерку можно узнать характер — Кузнецов писал четко, разборчиво, а статьи, в отличие от многих военачальников, сам. Не секрет, что большинство числящихся в «крайской группе» генеральных инспекторов-советников Министерства обороны пожизненно получали солидные оклады, пользовались служебными машинами, магазином спецобслуживания и только числились авторами, а подлинными были прикормленные

к ним офицеры в звании не ниже полковника.

А Николай Герасимович только при необходимости просил сотрудников Исторической группы Главного штаба ВМФ уточнить некоторые цифры и факты, что они с удовольствием делали не в службу, а в дружбу. А теперь хочу привести отрывки из его писем ко мне.

«Уважаемый Валентин Петрович! Я только что получил от машинистки статью. Ввиду того, что я завтра выезжаю в санаторий, откуда вам позвоню, а, главное, ввиду неуверенности, какая именно статья вам нужна, учитывая секретность материала, решил направить вам первый вариант. Возьму с собой и там буду дорабатывать. Но мне хотелось бы, чтобы вы прочитали ее и сказали, в том ли направлении я работаю и какие, по вашему мнению, требуются переработки. После этого я постараюсь сделать статью такой, какая нужна журналу. С приветом, Кузнецов». Напечатано через два интервала, подпись и дата — шариковой ручкой. Другое письмо:

«Как договорились, посылаю статью, доработанную и исправленную по замечаниям В.Н. Алексеева. Прошу перепечатать за мой счет, чтобы не задерживать работу над ней. Учитывая ваши сомнения о размерах рукописи, исправляя, я немного сократил. Даты мною проверены, но, если будут сомнения, то я еще раз проверю». Напомню, Герой Советского Союза адмирал Алексеев тогда был первым заместителем начальника Главного штаба ВМФ, а в 1943 — 1945 г. воевал на торпедных катерах Северного флота, победу встретил капитаном 2-го ранга. И вот, в 1973 г. он критически оценивает статью главнокомандующего ВМФ...

«Уважаемый Валентин Петрович! Направляю вам рукопись. Я сделал и отпечатал вставки. Не имея возможности быстро перепечатать отдельные страницы, прошу не ругаться за грязноватый вид отдельных. Если найдете необходимым, прошу отдать машинистке перепечатать за мой счет».

Как видите, Николай Герасимович был образцовым автором. В отличие от других, он всегда прислушивался к мнению редакторов и рецензентов и учитывал их. И еще — он не прибегал к помощи писателей, журналистов и так называемых литобработчиков, как поступали многие мемуаристы-военачальники и государственные деятели, как отставные, так и совмещающие сочинительство с выполнением служебных обязанностей.

...Мне хорошо запомнилась последняя встреча с Кузнецовым в конце ноября 1974 г. Как всегда, водитель позвонил мне:

— Николай Герасимович просит вас выйти.

Я тотчас спустился. Адмирал сидел в машине, как обычно, спокойный,

подтянутый, только было в нем что-то печальное.

— Работаю над статьей, дело идет, — проговорил он. — А пока решил для профилактики обследоваться в больнице. Запишите телефон и позвоните мне туда в пятницу, уточним некоторые детали.

Не знал я тогда, что эта встреча с Николаем Герасимовичем окажется последней. В назначенный срок я набрал номер больницы и попросил вице-адмирала Кузнецова.

— Его нет, он на обследовании, — ответили мне. — Позвоните в другой раз.

Другого раза не последовало. Утром в понедельник я встретил в редакции капитана 1-го ранга Б.С. Банникова, служившего в Военно-научном управлении Генерального штаба. Мне он показался подавленным. Поздоровавшись, Борис Степанович глухо произнес:

— Умер Николай Герасимович Кузнецов. Делали операцию на почке, и сердце не выдержало...

Николай Герасимович с женой и сыновьями

У меня словно что-то оборвалось внутри...

Хоронили Н.Г. Кузнецова в Москве, на Новодевичьем кладбище, на так называемой «адмиральской площадке». На печальную церемонию собрались адмиралы, флотские офицеры в форме и в штатском, старые моряки, ветераны Великой Отечественной. Казалось, весь флот был в трауре.

Через некоторое время на могиле установили памятник из черного мрамора, символизирующий морскую волну, с лаконичной надписью? «Народный комиссар, министр, главнокомандующий Военно-Морским флотом Н.Г. Кузнецов». Звание не было указано. Оно появилось лишь спустя 14 лет — «Адмирал флота Советского Союза»... ■